

А.Н.НАДЖМЕДДИЛИ
Бакинский славянский университет

ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕЧИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена лингвориторическим особенностям парламентской речи начала XX века. На малоисследованном материале описываются средства политической риторики (приемы аргументации, риторические стратегии, используемые в целях убеждения и воздействия, а также риторические фигуры) в парламентских выступлениях депутатов дореволюционной Государственной Думы России.

Açar sözlər: avtoritetə müraciət, presedent mülahizələr, analogiya fəndi, nitq aqressiyası, həmrəylik strategiyası, ritorik fiqurlar.

Ключевые слова: апелляция к авторитету, прецедентные высказывания, прием аналогии, речевая агрессия, стратегия солидаризации, риторические фигуры

Keywords: the appeal to authority, precedent statements, admission of analogy, verbal aggression, the strategy of solidarity, rhetorical figures.

В центре внимания данной статьи находится один из жанров политической коммуникации – парламентская речь начала XX века, рассмотренная в риторическом аспекте.

Парламентская речь обозначает выступления депутатов и видных государственных деятелей с докладами, а также в прениях в высших законодательных органах государственной власти. В Российской империи высший законодательный орган государственной власти, принимающий законы, получил название *Государственная Дума* (1906). Данное название, по мнению ученых, подчеркивало особенность национального политического сознания и являлось специфическим отражением деятельности депутатов российского парламента (5, 86). Эту мысль подтверждает этимология слова *дума*, которое обладает глубокими историческими корнями в русском языке и ментальном сознании русского человека: «дума отражает соборность, присущую русскому сознанию. Процесс обдумывания предполагает коллективное действие: мыслит человек один, а думать можно совместно с другим. Поскольку мысль одного человека может быть ошибочна, то, принимая важные государственные решения, важно подумать, т.е. услышать различные мнения и совместно прийти к правильному заключению, как организовать дело»(2,85).

Создание Государственной Думы ознаменовало для России рождение парламентской риторики, или парламентского красноречия, и устной публичной политической речи в целом. С этого времени можно проследить за процессом формирования русской парламентской речи, которая зародилась в недрах политического красноречия. В связи с этим функционирование парламентской речи связано с использованием средств политической риторики (приемы аргументации, риторические стратегии, используемые в целях убеждения и воздействия, а также риторические фигуры). Русские парламентские речи в Государственной Думе начала XX века отличались стилистической и риторической разнородностью. В первую очередь это было обусловлено процессом формирования парламентской риторики, а также отсутствием (как в обществе, так и у самих депутатов) нормативных представлений о том, какой должна быть парламентская речь.

Рассмотрим некоторые из перечисленных средств на примере парламентских речей депутатов Государственной Думы Российской империи (далее: ГД – А.Н.).

Приемы аргументации. Наиболее распространенным приемом аргументации в парламентской речи начала XX века был прием *апелляции к авторитету*: чтобы подкрепить выдвигаемый тезис, оратор вводит в речь ссылки на известных общественных, политических и иных значимых личностей, которые, с точки зрения говорящего, являются авторитетными для аудитории. Например, в выступлении П.А.Столыпина по вопросу о Финляндии (1908), в которой после революции 1905 года царским указом была блокирована деятельность финского парламента, выделяется тезис: Финляндия – исторически часть России²: «Не напрасно, не бессмысленно и не бессознательно были пролиты потоки русской крови, утвердил *Петр Великий державные права России на берегах Финского залива*. Отказ от этих прав нанес бы беспримерный ущерб русской державе...» [Столыпин] (ГД, 05.V.1908). Здесь оратор обращается к авторитету Петра I и его военным действиям на Балтийском побережье.

Следует отметить, что для многих депутатов Государственной Думы авторитетными являлись исторические деятели прошлого, в частности, русские цари. Ср. в следующем выступлении, которое также посвящено вышеуказанной теме: «Русское государство завоевывало Финляндию для своих русских потребностей. И *Петр Великий, и Елисавета Петровна, и Александр I*, завоеывая Финляндию в течение 100 лет, конечно, не советовались с финляндцами, завоевывать им их землю или не завоевывать» [Марков-2-й]³ (ГД, 12.V.1908).

Аргументация к авторитету нередко подкреплялась так называемой *эмоциональной аргументацией*, которая была обращена к чувствам аудитории, и с риторической точки зрения представляла собой выражение пафоса оратора: «Один, с морским флотом, построенным первоначально на пресной речной воде, с моряками, им самим обученными, без средств, *но с твердой верой в Россию и ее будущее*

² После русско-шведской войны (1808-1809) царь Александр I объявляет Финляндию автономным Великим княжеством.

³ Такие варианты написания фамилий в стенограммах заседаний Государственной Думы дореволюционных созывов было принято использовать в случаях, когда в составе Государственной Думы были депутаты-однофамильцы. Здесь: Марков 2-й – Марков Николай Евгеньевич, депутат Третьей и Четвертой Государственной Думы от Курской губернии.

шел вперед Великий Петр. Не было попутного ветра, он со своими моряками на руках, на мозолистых руках, переносил по суше из Финского залива в Ботнический свои галеры, разбивал вражеский флот, брал в плен эскадры и награждал чернорубочего творца новой России Петра Михайлова скромным званием адмирала» (Шум. голоса: браво)[Столыпин] (ГД, 05.V.1908). Здесь вновь звучит тема: Финляндия – неотъемлемая часть Российской империи. Оратор апеллирует к национальным ценностям (*морской флот, Петр Великий*) и употребляет торжественную лексику (*чернорубочий творец*). Отклик аудитории подтверждается фиксируемой в стенограммах заседаний ее эмоциональной вербально-невербальной реакцией.

В качестве аргументов Депутаты Государственной Думы использовали в своих речах *прецедентные высказывания*, комментируя их и подводя тем самым аудиторию к необходимым выводам, например: «Власть наша забыла, забыла простую народную поговорку: *насильно мил не будешь, – насильно никакими циркулярами доверия не заслужишь*»[Шингарёв](ГД, 03. III.1912); «Мы не боимся суда вашего, ибо мы уверены, что трубы ваши, как бы они ни были громки, они не *Иерихонские трубы* и что *трубы ваши не заставят пасть русскую государственность*» [Пуришкевич] (ГД, 17.XI. 1907).

При аргументации в парламентской речи широко использовался *прием аналогии*, благодаря которой высказывания приобретают большую убедительность: «Я останавливаюсь на речи господина Маклакова, и невольно припоминается мне картина другая – тоже блестящий адвокат древнего мира Цицерон. Я хочу указать на тот случай, когда на суде Цицерон напал слишком рано на одного из своих противников и тот, поражённый его красноречием, обратился к судьям и сказал: «Господа судьи, *из того, что мой противник так красноречив, ещё не значит же, что я виноват*». К счастью для этих министерских скамей, мы даже в отношении речи Маклакова и этого сказать не можем» (Смех.Звонок Председателя) [Пуришкевич](ГД, 17.XI.1907). В данном фрагменте цитата из исторического анекдота про Цицерона служит иронической характеристикой выступления депутата Маклакова – одного из лучших русских ораторов.

Риторические стратегии. Своеобразие речевого общения депутатов такого политического института, как Государственная Дума, заключается в отборе и организации определенных структур выражения в соответствии с прагматическими установками, целями и условиями общения, сложившимися в процессе профессиональной деятельности парламентариев.

Основной задачей парламентской речи является совместное уяснение дискуссионного вопроса, поэтому оратор должен обладать необходимыми полемическими умениями для участия в парламентских дискуссиях. В публичном выступлении отсутствует обратная связь отправитель/ получатель, вследствие чего представляется невозможным корректировать публичную речь «на ходу» на основании непосредственной реакции аудитории. Возникает необходимость в стратегическом речевом планировании выступления. Речевая стратегия понимается нами как определенная направленность речевого поведения в определенной ситуации в интересах достижения цели коммуникации. Учитывая риторическую направленность парламентского выступления, подобные стратегии в парламентской коммуникации можно обозначить как риторические (3, 12). Стратегия реализуется посредством

речевых тактик – последовательности речевых действий, характеризующихся своей задачей в рамках избранной стратегии.

Оратор в парламентском общении выбирает стратегию, ориентируясь на одну из трех установок: 1) осуществить «вторжение» в коммуникативное пространство адресата (оппонента), перестроить его в соответствии с собственными представлениями и оценками; 2) эксплицировать собственные представления и оценки, не стремясь при этом существенно изменить представления и оценки оппонента; 3) создать общее с оппонентом качественно новое для себя и для него коммуникативное пространство. Эти установки можно спроецировать на основные типы речевого поведения: агрессию, толерантность и вежливость (1, 110).

Речевая агрессия – это целенаправленное, мотивированное и обычно контролируемое речевое поведение, в основе которого лежит эмоциональное негативное речевое воздействие на адресата. В соответствии с коммуникативно-прагматическими установками адресанта, речевая агрессия может рассматриваться как вторжение в речевую, аксиологическую или когнитивную сферу коммуникативного пространства адресата. Цель такого речевого поведения – преднамеренное вовлечение адресата в реальный или потенциальный конфликт в определенной сфере коммуникативного пространства. Это может быть нарушение конвенциональных условий общения, навязывание адресату негативного отношения к предмету высказывания или изменение его представлений о предмете речи. Таким образом, адресант и адресат втягиваются в конфронтацию, используя при этом определенные стратегии и тактики. К ним относится спектр речевых маркеров, выражающих неприятие оратором высказываний и поступков своих оппонентов, содержащих их негативную оценку (обвинения, оскорбления, насмешка). Чаще всего ораторы в Государственной Думе использовали с этой целью *сниженную лексику*, что, в свою очередь, вызывало возмущение депутатов: подобные высказывания считались «непарламентскими». Приведем некоторые примеры: «За десять лет существования газеты я собрал полмиллиона в пользу тех же голодающих, о которых вы здесь *болтаете*» (Голоса: «К порядку!»). Протестующие возгласы) [Крушеван] (ГД, 27.III.1907); *безумная злоба, дурные законы, кровожадная мстительность* [Родичев] (ГД, 18.V.1906); *марионетки, людшики* [Керенский] (ГД, 15.II.1917).

Нередко в парламентской речи тактика агрессии принимала вид *иронически-насмешливой языковой игры*, посредством которой оратор как бы заново «этимологизировал» то или иное обращенное к оппоненту слово, например: «По свидетельству Даля, «дурак» имеет даже очень поэтическое значение: оно значит «ярко-красный, огненный цветок лилии». И вот если бы я хотел сказать одному знаменитому оратору, принимая во внимание его пылкий темперамент, его огненность и цветистость речи и притом принимая во внимание красноту его политических убеждений, то на этом наречии я должен был бы сказать: *дорогой Фёдор Измайлович⁴, вы настоящий дурак!*» (Смех и рукоплескания справа) [Шульгин] (ГД, 07.XII.1909); «Если бы я назвал графа Бобринского по-малороссийски «*уродливым оратором*», я выразил бы этим свою мысль; но в ней не заключалось ничего оскорбительного, как мог бы подумать русский националист, допускающий только русский

⁴ Речь идет о депутате Государственной Думы Ф.И.Родичеве.

язык на суде. «Уродливый» значит красивый на малороссийском языке» (Справа шум и голоса: «Сказал, да неверно», «Нет, не значит, не то». Звонок Председательствующего) [Родичев] (ГД, 01.XII.1909).

Нередко с целью конфронтации с оппонентами в парламентской речи в Государственной Думе использовалась тактика так называемой *народной легитимации*: оратор подчеркивал, что именно он является выразителем мнения народа, а иногда даже как бы цитировал слова народа и говорил от его имени. Эта тактика отталкивалась от риторической фигуры сермоцинации – введения в устную речь чьей-то «восстановленной» (придуманной или додуманной) прямой речи. Этой фигурой часто злоупотребляли крестьянские депутаты. Конфронтационный характер данной тактики достаточно высок: большинство парламентариев, используя народную легитимацию в выступлениях, подчеркивали свое исключительное право на выражение мнения народа и отказывали в таком же статусе политическим оппонентам. Например: «Я предполагал сейчас говорить о другом, но говорю с чувством гордости и с чувством веры, что я действительно являюсь выразителем воли русского народа, и вы завтра об этом услышите. Я говорю, народ прислал меня и сказал: обратитесь к Думе, просите, чтобы она высказала свое порицание тем способам борьбы, которые ведут люди, уверяющие, что они нам желают добра, тогда как мы верим, что для этого есть один единственный путь – мирная культурная работа» [Крушеван] (ГД, 27.III.1907).

Толерантность как тип речевого поведения подразумевает установку на сохранение в неприкосновенности коммуникативного пространства как адресанта, так и адресата. Она проявляется в установке на диалог в соответствии с параметрами общения. Для толерантного диалога характерна последовательная мена коммуникативных ролей (говорящий/ слушающий). В оценочных высказываниях говорящий выражает, с одной стороны, согласие/несогласие с точкой зрения оппонента, с другой – принимает право на существование иной позиции. Толерантность реализуется в стратегии солидаризации, в тактиках согласия/несогласия.

Стратегия солидаризации создает полемическую ситуацию, поскольку в процессе публичного выступления оратор должен выразить согласие либо несогласие с уже высказанными точками зрения. Этим он намечает возможность дальнейшей дискуссии, оставляя оппонентам возможность возразить либо, наоборот, согласиться с его мнением. Выбор стратегии солидаризации имеет большое значение для дальнейшей коммуникации и развертывания выступления: выбранная форма определяет дальнейшие позиции говорящего и его стратегию. Чаще всего депутаты Государственной Думы использовали в речах *тактику согласия*: «Совершенно поддерживаю предложение гг. Котляревского и Иоллоса» [Ломшаков] (ГД, 30.IV.1906).

Оратор, позиционируя себя положительно по отношению к той или иной группе или определенному высказыванию, заручался поддержкой аудитории. В этом смысле интересно употребление в речи местоимений «вы» применительно ко всем слушателям-депутатам, например: «Вы будете руководствоваться, я в этом уверен, как теперь, так не раз и в будущем, при проведении других реформ, сообщениями иного порядка, сообщениями о том, как преобразовать, как улучшить наш бытсообразно новым началам, не нанося ущерба жизненной основе нашего государства, душе народной, объединившей и объединяющей миллионы русских»

[Столыпин] (ГД, 22.V.1909). Оратор апеллирует к знаниям парламентариев и к их нравственным качествам, тем самым показывая готовность учитывать мнение слушателей.

Тактика частичного согласия использовалась в выступлениях ораторов в тех случаях, когда требовались какие-либо дополнительные сведения или комментарии к существу рассматриваемых положений или речи предшествующих ораторов. В риторике этот прием называется *уступкой*, или *допущением*: говорящий вначале как бы соглашается с мнением оппонента, потом в ходе анализа приходит к тому, что мнение неверно и подводит к этому слушателей. Например: «Я прежде всего считаю нужным заявить, что я признаю необходимость увеличения площади крестьянского землевладения, что для этой цели я допускаю отчуждение частновладельческой земли. *Но признавая* эти положения, я самым решительным образом *расхожусь* с началами предлагаемой нам схемы аграрной реформы. *Я отвергаю ее*, так как она направлена, по моему убеждению, не на понятие благосостояния народа, а на осуществление абстрактной теории» [Львов] (ГД, 19.V.1906).

Подобные стратегии и тактики уводили оратора от конфликтных ситуаций, предоставляя, в то же время, возможность вступать в своеобразный диалог с аудиторией или с другим депутатом.

Тактика несогласия с позицией предыдущего оратора делает парламентское высказывание эмоционально нагруженным, зачастую сопровождается авторским комментарием: «Я всхожу сюда, чтобы *высказаться против предложения, внесенного господином Стаховичем*. Я заявляю, что *вся ответственность за все преступления, о которых здесь было сказано, лежит всецело и полностью на правительстве*, преступно поправшем народную святыню – права человека и гражданина» [Ломшаков] (ГД, 4.V. 1906).

Вежливость представляет собой тип речевого поведения, который эксплицитно выражает стремление говорящего к взаимодействию. Такой тип поведения позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою. В коммуникативном пространстве парламентской речи данный тип речевого поведения реализуется через закрепленные этикетные формулы вежливости и систему обращений к депутатам. В Государственной Думе при исполнении парламентской речи были запрещены речевые поддержки-реплики из зала, подхваты реплик, открытые вопросы, побуждающие партнера к речевой активности. Подобные факты пресекались и считались нарушением парламентской процедуры. См. в документах Государственной Думы России: [Председательствующий]: «Член Государственной Думы Булат, я вас прошу не отвечать на вопросы, которые вам ставятся с места, из этого завязывается беседа и не получается вовсе речи, обращенной к Государственной Думе» (ГД, 13.V.1908).

Риторические фигуры, или фигуры речи. Данный термин (фигура речи, риторическая фигура, стилистическая фигура, оборот речи) – термин риторики и стилистики, обозначающий различные обороты речи, придающие ей образность и выразительность. Общепринятой систематики риторических фигур не существует, в разных грамматических школах различаются терминология и принципы их классификации. Фигуры речи со времен античности делятся на тропы и фигуры в узком смысле слова. Если под тропами понимается употребление слов или словосо-

четаний в несобственном, переносном значении, то фигуры представляют собой приёмы сочетания слов, синтаксической (синтагматической) организации речи.

Объем статьи не позволяет рассмотреть разновидности существующих риторических фигур, поэтому мы остановимся на употреблении некоторых самых распространенных в парламентской речи начала XX века.

В политической речи начала XX века *риторический вопрос* был одной из главных риторических фигур. Так, в среднем на одно выступление депутата Первой Государственной думы 1906 года приходится от трех до пяти риторических вопросов (4,77). Приведем фрагменты из речей, которые содержат каскад риторических вопросов, повышающих воздействующую силу выступления: «Не является ли этот случай войны последствием того, что заключены такие группировки? Не втягиваемся ли мы в обязательную войну ради каких-то интересов, мне не известных, только потому, что с Францией и Англией идем против Германии и Австрии? Нет ли тут практического выхода? Нельзя ли эту группировку изменить – если не сразу, то постепенно? Нельзя ли изыскать какой-нибудь разумный способ, чтобы найти выход, удовлетворяющий достоинству и пользе и России, и Германии? Действительно ли между Россией и Германией имеются такие неизбежные конфликты, которые нельзя обойти, и что нам делить с Германией, и в чем Германия нам мешает и мы мешаем Германии?» [Марков-2-й] (ГД, 10.V.1914); «Неужели, господа, если в других странах, более нашей индифферентных в религиозных вопросах, теория свободы совести делает уступки народному духу, народным верованиям, народным традициям, – у нас наш народный дух должен быть принесен в жертву сухой, непонятной народу теории? Неужели, господа, для того, чтобы дать нескольким десяткам лиц, уже безнаказанно отпавшим от христианства, почитаемых церковью заблудшими, дать им возможность открыто порвать с церковью, неужели для этого необходимо вписать в скрижали нашего законодательства начало, равнозначное в глазах обывателей уравниванию православных христиан с нехристианами? Неужели в нашем строго православном христианстве отпадет один из главнейших признаков государства христианского?» [Столыпин] (ГД, 22.V.1909).

Другой распространенной риторической фигурой в парламентской речи начала XX в. являлся *повтор*, который резюмирует предшествующую часть, содержащую смысловое ядро высказывания. Цель повтора – привлечь внимание слушателей; подчеркнуть значимость того, что он выражает: «Вот шульгинская правда, и я боюсь, что эту правду рабочие назовут провокацией, и, пожалуй, это будет действительно правда» [Марков-2-й] (ГД, 06.X.1916). При помощи повтора депутат обыгрывает слово *правда*, интерпретируя его в соответствии с позицией депутата Шульгина, называвшего выступления депутатов Государственной Думы против Правительства *патриотизмом*, а забастовку рабочих – *государственной изменой*, считая это соответствующим истине, т.е. правдивым.

Немаловажная роль в парламентской речи начала XX века отводилась *инверсии* – обратному порядку слов. С помощью инверсии выделяются те или иные эмоционально-значимые компоненты сообщения или субъективная оценка по отношению к предмету речи. Как правило, рема размещается в конце предложения: «Вы *хотите* с революцией бороться строгой *репрессией*» [Маклаков] (ГД, 13.III.1907); «Под руководством опытных погромщиков, по сигналу заранее назна-

ченых провокаторов оно [правительство – А.Н.] организует расстрелы целых кварталов» [Церетели] (ГД, 06.III.1907).

Таким образом, лингвориторический подход к парламентской речи устанавливает параметры коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата. Эти параметры включают также эмоциональные проявления, представленные на собственно лингвистическом уровне (лексика, синтаксис), а также как риторические преобразования языковых единиц разных типов – тропов, фигур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова Т. А. Речевое поведение в публичном дискурсе // III Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2004.

2. Гаврилова М. В. Экспликация идеологических представлений политика: лингвокогнитивный подход // Полис. Политические исследования. М., 2001, №3.

3. Грановская Л. М. Риторика в Государственной Думе (1906-1917). Баку: Мутарджим, 2013.

4. Громыко С. А. Зачем политику риторический вопрос? Особенности парламентской дискуссии начала XX века // Русская речь, 2010, №4, с.77.

5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

Источники и сокращения

ГД– Государственная Дума Российской империи. Стенографические отчеты (1906-1917). Санкт-Петербург, Петроград: Государственная типография. Электронный ресурс. Режим доступа: https://vk.com/page-23375822_44613863

XÜLASƏ

Məqalə XX əsrin əvvəli parlament nitqinin lingv ritorik xüsusiyyətlərinə həsr olunmuşdur. Siyasi ritorikanın az tədqiq olunmuş materialları əsasında (arqumentasiya priyomları, ritorik strategiya, həmçinin əqidə və təsir məqsədi ilə istifadə olunan ritorik fiqurlar) inqilabdan əvvəlki Rusiya Dövlət Dumasının deputatları parlament çıxışlarında təsvir edilir.

SUMMARY

The article is devoted lingv oratorical features a parliamentary speech of the early twentieth century. On unexplored material described by means of political rhetoric (argumentation techniques, rhetorical strategies used for the purpose of persuasion and influence, as well as figures of speech) in the parliamentary speeches of deputies of the State Duma of the pre-revolutionary Russia.